

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

ЯНВАРЬ.

№ 6.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МЕЧТЫ (стих.).
ТОЧНО ВЪ СКАЗКѢ.
КЪ ВЕСНѢ (стих.).
ВО ВЛАСТИ ВУЛКАНА.
ПОДЪ ОБЛАКАМИ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Избушка лѣсника (для склеиванія).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Надъ ручейкомъ.

ТОЧНО ВЪ СКАЗКѢ.

Петръ Кириллычъ съ дѣтства былъ отданъ въ городъ въ услуженіе. Его помѣстили въ мальчики въ магазинъ, изъ котораго ему приходилось развозить на ручной телѣжкѣ товаръ по всѣмъ покупателямъ. Такъ въ этой должности онъ и остался до самой старости. Въ дождь, въ холодъ, въ лѣтнія жары онъ привычно и безропотно катилъ передъ собою свою телѣжку,—и всѣ покупатели его знали и были довольны, когда привозилъ къ нимъ ихъ покупки именно онъ. Когда наступало лѣто и они выѣзжали на дачи, то появлялся онъ и тамъ. Кое-кто изъ дачниковъ угощалъ его чаемъ и приглашалъ его на кухню отдохнуть. Особенно ласкова была съ нимъ помѣщица Юлія Гавриловна, усадьба которой находилась невдалекѣ отъ города и была окружена со всѣхъ сторонъ бѣлой каменной стѣной. Когда-то, еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, эта усадьба отстояла далеко отъ города, но за это время городъ выросъ такъ, что приблизился къ ней и вокругъ появилось множество дачъ. Развозя покупки по дачамъ, Петръ Кириллычъ заѣзжалъ и къ Юліи Гавриловнѣ и она неизмѣнно всякій разъ посылала его на кухню и приказывала дать ему тамъ поѣсть или напоить его чаемъ.

— Хорошая барыня!.. говорилъ о ней Петръ Кириллычъ,—настоящая госпожа.

И вдругъ ему пришло изъ деревни извѣстіе, что его сестра умерла и оставила послѣ себя маленькую дѣвочку Таню, которой некуда дѣваться и которую нужно было-бы отдать въ пріютъ. Сердце у Кириллыча дрогнуло. Онъ былъ одинокъ, ему уже давно безсознательно хотѣлось имѣть около себя хоть одно близкое существо, для котораго онъ не былъ-бы чужимъ и которое хоть немножко, хоть одну только капельку, было-бы къ нему привязано. И, узнавъ, что у него оказалась сирота-племянница, онъ нѣсколько разъ перекрестился и рѣшительно сказалъ:

— Зачѣмъ въ пріютъ? Могу взять ее къ себѣ и я! Хватаетъ на одного,—хватитъ и на двоихъ!

И черезъ недѣлю у него въ каморкѣ появилась маленькая Таня. Она оказалась чистенькимъ, очаровательнымъ деревенскимъ ребенкомъ лѣтъ пяти и всѣ въ домѣ ее полюбили. Кухарка, судомойка и цѣлая толпа приказчиковъ и мальчиковъ изъ магазина старались сдѣлать ей что-нибудь пріятное или пошутить съ ней, и ея звонкій, веселый смѣхъ долго раздавался по утрамъ и по вечерамъ на всѣ низы хозяйскаго дома пе-

редь открытіемъ и послѣ закрытія магазина, когда въ низахъ становилось многолюдно.

— Ну, ужъ и дѣвчонка! говорила кухарка.—Такъ бы ее, прости Господи, и съѣла!

Несмотря на свои годы, Кириллычъ сталъ работать еще сильнѣе. Теперь нужно было прирабатывать еще и на Таню. И вотъ, въ промежуткахъ между поѣздками съ телѣжкой, онъ сталъ еще упорно работать и ящики, посылавшіеся въ другіе города по желѣзной дорогѣ. Это давало ему нѣсколько лишнихъ рублей, которые онъ тратилъ на Таню, и онъ былъ доволенъ. Одно только смущало его: цѣлые дни онъ не видѣлъ Таню, а быть съ ней, глядѣть на нее и слышать ея дѣтскій лепетъ—стало потребностью его души.

Когда всѣ приказчики уходили на службу и кухарка съ судомойками принимались за свое дѣло,—то во всѣхъ низахъ воцарялась тишина и Таня по цѣлымъ днямъ не выходила изъ своей коморки и скучала. Это тоже беспокоило Кириллыча и ему жаль было дѣвочки и хотѣлось лишній разъ ее навѣстить и поглядѣть, что она дѣлаетъ. И часто, хотя это и составляло для него крюкъ, онъ заѣзжалъ съ телѣжкой домой и навѣщалъ свою племянницу.

— Здравствуй, Танюша! говорилъ онъ.

И прежде чѣмъ она успѣвала

что-нибудь рассказать ему, какъ онъ уже опять собирался въ путь и, точно сдѣлавъ преступленіе, что повидался съ племянницей, онъ съ виноватымъ видомъ и боязнью, чтобы его кто-нибудь не увидѣлъ, отправлялся далѣе съ товаромъ.

Однажды онъ заѣхалъ домой въ пять часовъ. Было тепло, въ немногихъ деревьяхъ города щебетали птицы и по небу и по во воздуху можно было судить, что тамъ, за городомъ, гдѣ теперь пышно шествовало лѣто, разсыпая цвѣты,—было великолѣпно.

„Развѣ прокатить ее немножко?..“ подумалъ Кириллычъ и повернулъ въ свою улицу.

Онъ везъ на заводъ пустыя бутылки, грузъ былъ не тяжелъ и самый заводъ находился на окраинѣ города, гдѣ уже виднѣлась зелененькая травка и пахло лѣтомъ. На горизонтѣ заходила туча.

Таня выскочила къ нему и, весело болтая, пошла рядомъ съ нимъ. Ему было пріятно. Но выйдя на площадь, онъ тутъ только замѣтилъ тучу.

— А какъ-бы насъ не смочило! сказалъ онъ и съ тревогой оглядѣлъ Таню.—Ну, да все равно! Я захватилъ съ собою брезентъ.

Онъ продолжалъ свой путь далѣе, они разговаривали, она была довольна свободѣ и новизнѣ и не обращала никакого вниманія на то, что происходило вокругъ нея.

А туча закрыла собою уже половину неба и въ воздухѣ чувствовалась уже близость дождя.

— Я устала... сказала наконецъ Таня.

И дѣйствительно, ей тяжело было идти прямо посреди улицы по мостовой.

Онъ расчистилъ въ телѣжкѣ мѣсто, взялъ ее на руки и усадилъ рядомъ съ ящиками бутылокъ.

— Сядь здѣсь!.. сказалъ онъ.— Вотъ такъ!.. А я тебя повезу.

И онъ покатилъ передъ собою телѣжку далѣе.

Сталъ накрапывать дождь и скоро застучалъ кругомъ, какъ горохъ. Кириллычъ остановился, развернулъ брезентъ и укрылъ имъ дѣвочку такъ, что она оказалась, точно въ шалашикѣ. Ей было это забавно, она смѣялась и въ этомъ шалашикѣ на телѣжкѣ, рядомъ съ бутылками, ей показалось такъ уютно, какъ не было еще ни разу въ жизни. Теперь дождь лилъ уже какъ изъ ведра, и ей было забавно смотрѣть и на промокшаго до костей дядю, и на пузырьки, вскакивавшіе въ лужицахъ между камнями мостовой, и на струйку воды, которая скатывалась съ брезента и лилась прямо подъ нее.

— Ну, дождь! покрывалъ Кириллычъ.— Вотъ такъ выкупалъ!

И, замѣтивъ вдругъ эту струйку воды, онъ испугался за Таню и закрылъ ее брезентомъ со всѣхъ сторонъ.

— Посиди такъ, пока пройдетъ дождь! сказалъ онъ.— А то измокнешь.

Таня оказалась въ темнотѣ. Отъ мѣрныхъ покачиваній телѣжки и отъ шума дождя ее стало клонить ко сну, она подложила руку подъ щеку и, какъ ребенокъ, тотчасъ-же заснула. Кириллычъ не зналъ этого и шелъ своей дорогой, а дождь все лилъ и лилъ и разстояніе до завода казалось ему безконечнымъ.

— Эй, Петръ Кириллычъ! вдругъ окликнулъ его кто-то изъ попавшейся на пути лавки.— Заверни-ка на минутку сюда!

Кириллычъ оглянулся. Его звалъ лавочникъ, который всегда забиралъ товаръ въ ихъ магазинѣ.

— Не захватишь-ли съ собой пустого боченка? крикнулъ лавочникъ.

— Хорошо, давай! отвѣтилъ Кириллычъ и, подѣхавъ къ лавкѣ, приставилъ къ фонарю телѣжку и вошелъ вмѣстѣ съ лавочникомъ въ дверь.

Минуты три спустя, онъ вышелъ изъ лавки съ боченкомъ и каково же было его удивленіе, когда телѣжки около фонаря не оказалось вовсе. Она исчезла, точно провалилась сквозь землю.

„Что за диковина?“ подумалъ онъ.— „Куда-же она дѣлась?“

И онъ сталъ оглядываться по сторонамъ.

— Это навѣрное кто-нибудь изъ

мальчишекъ подшутить! сказалъ ему лавочникъ.—Должно быть, ввезли во дворъ и поставили за заборомъ.

Но и во дворѣ телѣжки не оказалось.

— Гдѣ же она? съ испугомъ спросилъ Кириллычъ.—Вѣдь телѣжка не иголка! Её не скроешь! Навѣрное, это воры! Кто-нибудь проходилъ мимо и укралъ!

Кириллычъ не ошибся. Её дѣйствительно украли воры. Пока онъ былъ въ лавкѣ, какіе-то два оборванца увидѣли бутылки, польстились на нихъ, и взявшись за оглобли телѣжки, со всѣхъ ногъ бросились съ нею бѣжать. Они выбѣжали съ нею за городъ, долго спѣшили по шоссе и свернули наконецъ влѣво, гдѣ было скользко и вязко отъ дождя. Впереди былъ лѣсокъ, они вѣхали въ него и вдругъ увидали передъ собою бѣлую каменную стѣну чьей-то усадьбы.

— Здѣсь... сказали они.—Здѣсь насъ никто не увидитъ...

И, томимые желаніемъ выпить, они сдернули съ телѣжки брезентъ. Къ ихъ удивленію, они увидали на ней живого спавшаго ребенка и двѣ корзинки пустыхъ бутылокъ.

— Человѣкъ! воскликнули они.— Дѣвчонка! Она спитъ!

И, боясь, какъ-бы Таня не проснулась и не донесла на нихъ или какъ-бы она не подняла крика, на

который могли-бы сбѣжаться другіе, они бросили телѣжку и со всѣхъ ногъ пустились бѣжать.

Было уже совсѣмъ темно, когда Таня проснулась. Дождя уже не было, свѣтили звѣзды и пахло густымъ запахомъ смоченной березы. Сначала эта темнота, березы и стѣна показались ей страннымъ сномъ, но она протерла глаза, вспомнила, что заснула на телѣжкѣ еще въ городѣ,—и ей сдѣлалось страшно. Она заплакала и стала кликать къ себѣ Кириллыча.

— Дядя! Дядя! кричала она.

А затѣмъ она сошла съ телѣжки и, думая, что онъ можетъ быть за этой стѣной и позабылъ о ней, она пошла ощупью вдоль ея и скоро дошла до калитки. Очевидно, это былъ какой-нибудь задній ходъ, потому что около этой калитки валялся мусоръ и росли репейники и крапива.

— Дядя! Дядя! въ страхѣ продолжала она звать Кириллыча.

И она застучала на калиткѣ щекоткой.

Прошли долгіе, томительные четверть часа. Она снова постучалась въ дверь.

— Кто тамъ? вдругъ послышался женскій голосъ по ту сторону ограды.

Калитка отворилась и въ ней показалась женщина съ фонаремъ. Увидѣвъ маленькую дѣвчонку, всю въ слезахъ, она изумилась и приблизилась къ ней фонарь.

— Кто ты? Чего тебѣ надо? спросила она.

Глотая слезы, Таня рассказала ей, какъ могла, какъ ѣхала въ телѣжкѣ и какъ неожиданно проснулась около этой бѣлой ограды.

— На какой телѣжкѣ? удивилась женщина. — Какой дядя? Какъ онъ могъ тебя сюда завезти? Ты упала? Ты ушиблась? Тебѣ больно?

Таня могла отвѣтить на всѣ эти вопросы только вздохами и слезами. Вслѣдъ затѣмъ изъ глубины усадьбы послышался чей-то другой женскій голосъ.

— Аксиньюшка? звалъ этотъ голосъ. — Гдѣ ты? Съ кѣмъ это ты тамъ разговариваешь? Что случилось?

— Да вотъ, барыня, здѣсь какая-то маленькая дѣвочка! отвѣтила женщина съ фонаремъ. — Все плачетъ и говоритъ про какую-то телѣжку и про бутылки!.. Я ничего не могу понять!

— Эта дѣвочка одна?

— Да, барыня, одна! Я такъ думаю, что ее кто-нибудь къ намъ подкинулъ!

— Такъ веди ее сюда! А то уже поздно и сыро!.. Она можетъ простудиться!

Старушка взяла Таню за руку и ввела ее въ калитку.

— Пойдемъ, милая!.. сказала она. — Пойдемъ, моя касатка!

И черезъ весь садъ она провела ее къ дому съ освѣщенной стеклянной террасой, на ступеняхъ

которой стояла пожилая дама. Здѣсь пахло послѣ дождя цвѣтами, стояли на опрятныхъ дорожкахъ лужицы и, несмотря на темноту, Танѣ показалось такъ хорошо, какъ во снѣ. Сквозь стекла террасы виднѣлись самоваръ и чашки и привѣтливо свѣтила лампа. Таня вспомнила о чаѣ и ей стало еще пріятнѣе.

— Веди ее, Аксинюшка, сюда! крикнула дама.

— Сейчасъ, матушка Юлія Гавриловна! отвѣтила старушка. — Сейчасъ, барыня!

Юлія Гавриловна была вдова и жила во всемъ домѣ одна вмѣстѣ со своей старушкой—няней Аксиньюшкой. Какъ человекъ одинокій и бездѣтный, она очень любила дѣтей и когда видѣла около своей усадьбы какихъ-нибудь мальчика или дѣвочку, то обязательно зазывала ихъ къ себѣ и угощала ихъ конфетами. Такъ случилось и теперь. Заслышавъ стукъ въ заднюю калитку и дѣтскій плачь, она встревожилась и послала поскорѣе съ фонаремъ Аксинюшку, узнать, что тамъ такое. Но когда старушка крикнула ей, что это маленькая заблудившаяся, а, можетъ быть, и подкинутая дѣвочка, то она обрадовалась и сладкое, материнское чувство вдругъ наполнило ее сердце.

— Ты говоришь, няня, что ее кто-нибудь къ намъ подкинулъ? спросила она. — Вотъ было-бы

хорошо! Тогда мы были-бы не одинъ...

Няня ничего не отвѣтила и ввела дѣвочку на балконъ. Видъ Тани сразу же плѣнилъ Юлію Гавриловну. Она схватила дѣвочку на руки и внесла ее въ балконъ.

— Какая славненькая!.. сказала она, оглядѣвъ ее при огнѣ со всѣхъ сторонъ.—Вотъ прелестная мордочка!

Не ожидавшая такого приема, Таня радостно улыбнулась. Къ тому-же такъ привѣтливо кипѣлъ самоваръ и на столѣ были разложены такія вкусныя печенья! Вотъ если-бы ей дали чаю и чего-нибудь сладенькаго!

А по обѣимъ сторонамъ ея стояли двѣ добрыя женщины и смотрѣли на нее ласковыми, нѣжными глазами.

— Дѣвочка, ты чья? спросила наконецъ Юлія Гавриловна. — Какъ ты сюда попала?

— Я была съ дядей... отвѣтила Таня.—Онъ каталъ меня на тележкѣ!

— Куда-же онъ дѣлся?

— Не знаю... Я спала.

— А какъ зовутъ твоего дядю?

— Петромъ...

— Гдѣ-же ты живешь?

Таня подумала.

— Рядомъ съ красной церковью, отвѣтила она.—Внизу! Тамъ кухарка Пелагея и все дяди, дяди, дяди...

— Какъ-же тебя зовутъ?

— Таня...

— Кто твои папа и мама?

— Не знаю... У меня есть только дядя...

— Ты хочешь кушать?

— Да...

И Таня многозначительно поглядѣла на печенья.

„Ну, такъ и есть!..“ подумала Юлія Гавриловна.—„Она—сирота и ее кто-то къ намъ подкинулъ!“

И обѣ женщины стали Таню угощать. Онѣ налили ей чаю, положили ее печеньями, вкуснымъ хлѣбомъ и вареньями и она, сначала робко, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, стала ѣсть за обѣ щеки. Онѣ смотрѣли на нее и имъ обѣимъ было радостно и забавно, что она ѣла, и она уже казалась имъ прелестной живой игрушкой, которую неожиданно послалъ имъ Богъ за ихъ одиночество и грустную жизнь.

— Барыня, вдругъ вспомнила Аксиньюшка.—Да вы дали-бы ей конфетку! Дѣти вѣдь любятъ сладенькаго пососать!

Юлія Гавриловна поднялась и направилась къ шкафу, но тотчасъ-же вернулась назадъ.

— Нѣтъ конфетъ, няня! отвѣтила она.—Всѣ кончились! Я заказала въ магазинѣ, да вотъ не прислали. Вѣроятно, доставятъ завтра. И кухарка тоже жалуется, что нѣтъ муки. Сегодня почему-то челоуѣкъ не привезъ. Должно быть, побоялся дождя.

Въ походъ!

Въ засадѣ.

Отпили чай и отправились укладывать Таню спать. Ахъ, какую онѣ сдѣлали ей мягкую постель, какъ тепло ее укрыли и съ какимъ трогательнымъ чувствомъ стояли около нея и прислушивались къ ея дыханію, пока она не заснула! А когда наконецъ она закрыла глазки и стала засыпать, то все, что она пережила сейчасъ, показалось ей сладкимъ, сказочнымъ сномъ и ей хотѣлось и во снѣ заснуть какъ можно покрѣпче и подольше не просыпаться, чтобы не разстаться со счастьемъ до утра!

А обѣ женщины все еще стояли около нея и у обѣихъ была одна и та-же сокровенная мысль:

— Что, если-бы эта дѣвочка осталась у насъ совсѣмъ!..

Утромъ была ясная, очаровательная погода, свѣтило солнце, распѣвали птицы, летали бабочки и стрекозы и Юліи Гавриловнѣ казалось, что въ ея усадьбѣ какъ-то все повеселѣло и приобрѣло новое значеніе и смыслъ. По дорожкамъ сада бѣгала Таня и, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ, жила той радостной, безмятежной жизнью, которой могутъ жить одни только дѣти и больше никто. Старушка-няня бродила около нея и слѣдила за каждымъ ея шагомъ и ей казалось, что около этой дѣвочки и она помолодѣла и что неожиданно-негаданно для нея возвратились тѣ дни, когда она нян-

чила еще Юлію Гавриловну и когда въ домѣ было такъ многолюдно, раздавались голоса взрослыхъ и дѣтей и въ открытыя окна слышалось бречанье на фортепиано. И ходя около этой незнакомой, чужой дѣвочки, старушка чувствовала, какъ оттаивало ея сердце и какъ что-то сладкое, какъ самый вкусный, душистый медъ, тонкой струйкой вливалось ей въ самую душу.

— Дай-то Богъ!.. шептала она. — Пошли-то Богъ милость свою!

На лавочкѣ подъ пышнымъ кустомъ жасмина сидѣла Юлія Гавриловна, вязала кружево, то и дѣло поглядывала на Таню и тоже повторяла:

— Что, если-бы эта дѣвочка осталась у меня совсѣмъ!

И вдругъ на балконѣ показалась кухарка Арефьевна и крикнула оттуда:

— Барыня! Изъ магазина товаръ привезли!

Юлія Гавриловна поднялась и отправилась принимать товаръ. Любопытная, какъ и всякій ребенокъ, Таня побѣжала за ней.

Онѣ прошли черезъ всѣ комнаты и вышли на черное крыльцо. Тамъ, у самыхъ ступеней, вытирая потъ, стоялъ пожилой человекъ, держась за ручную телѣжку и, увидѣвъ Юлію Гавриловну, снялъ фуражку и низко поклонился.

— Здравствуйте, матушка-бары-

ня! сказалъ онъ.—Вотъ товарцу вамъ привезъ!

— Здравствуй, Кириллычъ! отвѣтила Юлія Гавриловна.—Что-же не пріѣзжалъ вчера?

— Да вотъ случай такой приключился!.. Несчастіе произошло! — Какое несчастіе?

Но въ это время изъ-за спины Юліи Гавриловны выскочила Таня и увидавъ Кириллыча, радостно воскликнула:

— Дядечка! Дядя! Какъ ты узналъ, что я здѣсь?

Онъ взглянулъ на нее, да такъ и обомлѣлъ отъ удивленія и восторга.

— Таня!! воскликнулъ онъ и больше ничего не могъ сказать и сталъ плакать.

А затѣмъ начались аханья, оханья и разспросы. Не прошло и четверти часа, какъ Кириллычъ уже сидѣлъ на стеклянной террасѣ, пилъ чай и все еще утиралъ не хотѣвшіе просыхать глаза.

— Ну, что-же, Кириллычъ? обратилась къ нему наконецъ Юлія Гавриловна.—Согласенъ ты оставить у меня твою племянницу совсѣмъ?

Онъ былъ безконечно радъ за Таню и ничего лучшаго для нея не желалъ.

— Спасибо вамъ, матушка-барыня! залепеталъ онъ.—Пошли вамъ Господь здоровья!.. Вотъ только жаль, что я не буду видѣть ее каждый день!..

— Почему не видѣть? вмѣшалась въ разговоръ няня.—Развѣ можно разлучать близкихъ и родныхъ? Ты будешь тоже жить у насъ! Развѣ у насъ въ усадьбѣ не найдется для тебя дѣла? Нечего трепаться съ телѣжкой взадъ да впередъ! Довольно уже! Находился за свою жизнь порядочно! Чай, сотни двѣ сапогъ износил! Пора и отдохнуть!

Кириллычъ смотрѣлъ на нее большими удивленными глазами и ему казалось, что онъ слышался или что няня говоритъ что-то такое, что не можетъ сбыться никогда. Но его успокоила Юлія Гавриловна.

— Да, да!.. сказала она.—Ты тоже останешься у насъ, Кириллычъ, совсѣмъ! Ты будешь поливать у насъ цвѣты!

И, взявши Таню за руку, она весело вышла съ нею въ садъ. А Кириллычъ остался съ няней на террасѣ, пилъ чай и все еще никакъ не могъ повѣрить тому, что съ нимъ такъ неожиданно произошло.

М. Б—скій.

М Е Ч Т Ы.

Весна ужъ близко. Три недѣли,
Ну много пять,—и глядь грачи
Ужъ къ намъ гнѣздиться приле-
тѣли!

А тамъ ужъ Пасха, куличи,
И съ ними красныя яички..
Повсюду зелень будетъ; птички
На вѣткахъ будутъ распѣвать
И гнѣзда теплыя свивать.

А чуть начнетъ темнѣть, смер-
каться,

Какъ въ чащѣ парка, межъ вѣтвей
Вдругъ пѣсня станетъ раздаваться,
То запоетъ нашъ соловей.

И вечеръ теплый и росистый
На землю спустится съ небесъ,

И нашъ соловей голосистый
Наполнить пѣньемъ сонный лѣсъ.
Потомъ луна сквозь садъ прогля-
нетъ

И такъ свѣтло и тихо станетъ
И такъ запахнутъ вдругъ цвѣты!..

Но это все—еще мечты!

Сейчасъ на лѣто не похоже,
Зима стоитъ и не ушла,

И вдругъ морозъ пройдетъ по кожѣ
И такъ захочется тепла!..

И мы садимся у камина,
Трещать дрова... Ложимся спать,
Проснемся утромъ и картина
Предъ нами зимняя опять.

Кузничикъ.

ВО ВЛАСТИ ВУЛКАНА.

(Окончаніе).

Скоро я нашла себѣ лошадь и проводника. Я набѣщала ему цѣлую сотню піастровъ и отдала-бы ему всѣ свои деньги, если-бы онъ потребовалъ больше. Проѣзжая мимо нашей палатки и увидѣвъ въ ней огонь, я забѣжала въ нее, чтобы проститься со своими друзьями.

„Кто знаетъ, подумала я,—придется-ли видѣться еще разъ?“

Онѣ бросились меня обнимать, стали плакать, а одна изъ нихъ, по имени Фанни, которая меня

очень любила, выбѣжала изъ палатки и еще долго провожала меня взглядомъ. Я видѣла въ сумракѣ ея фигурку, стоящую на камнѣ и махавшую мнѣ платкомъ.

Я ѣхала всю ночь и такъ и не могла догнать мисъ-Дэверсъ. Она уѣхала уже слишкомъ далеко. Возшло тусклое, красное солнце и стало веселѣе, хотя глазамъ представилась картина, полная разрушенія: цѣлыя обломки скалъ валялись поперекъ нашей дороги, деревья были сожжены, кругомъ

то и дѣло поднимались отъ земли столбы удушливыхъ испареній, и невольный страхъ закрадывался мнѣ въ душу.

— Туда-ли мы ѣдемъ? спрашивала я своего проводника.—Догонимъ-ли мы ихъ?

— Туда, мрачно отвѣчалъ онъ.—Мы ихъ догонимъ!

Наконецъ мы вѣхали въ долину Вайоину. Край, бывшій только два дня тому назадъ цвѣтущимъ и плодороднымъ, теперь представлялъ собою безнадежную пустыню. Разрушенныя селенія, сожженные посѣвы, высушенныя деревья и камни, почти сплошь засорившіе собою распаханную землю, представлялись взорамъ со всѣхъ сторонъ. Попадались трупы быковъ и лошадей, и я увѣрена, что мы встрѣчали и трупы людей, потому что мой проводникъ часто умышленно отвлекалъ мое вниманіе въ сторону. Картина разрушенія и опустошенія была полная. Теперь мы вступали уже въ край, гдѣ еще не успѣла остынуть лава и гдѣ цѣлые потоки ея то и дѣло преграждали намъ путь. Намъ трудно было дышать отъ сѣрныхъ паровъ и нужно было на-

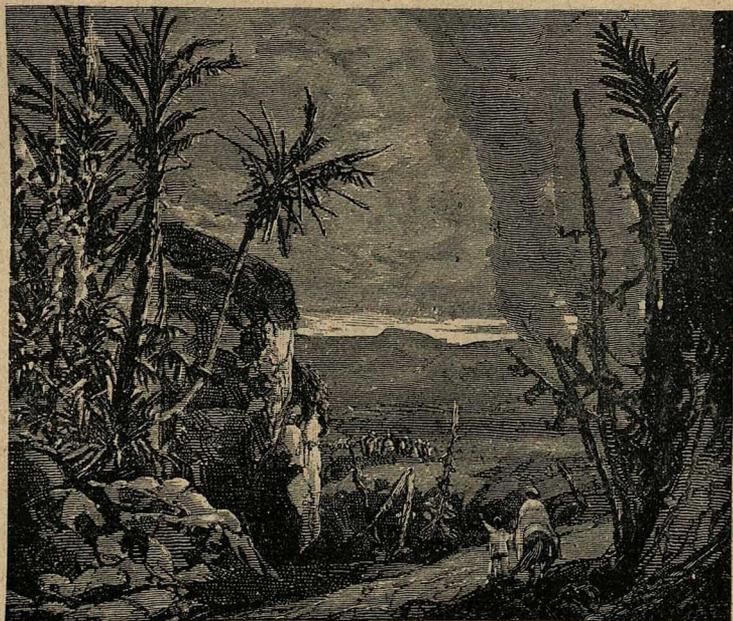
прягать все свое вниманіе, чтобы не оступиться или не попасть ногами въ лаву. Наша умная лошадь сознавала опасность и ощупывала передними ногами каждый шагъ.

— Посмотри, что это тамъ? вдругъ воскликнула я, замѣтивъ вдаль предъ собою кучку людей.

— Это тѣ, кого ты догоняешь, отвѣтилъ проводникъ.—Что-то преградило имъ путь. Они стоятъ и не знаютъ, какъ имъ быть. Они не могутъ идти далѣе.

Сердце мое забилося отъ радости и въ то-же время отъ безпокойства.

— Слава Богу, что это они! воскликнула я.—Теперь мы отправимся вмѣстѣ!

— Это тѣ, кого ты догоняешь...

— Едва-ли... мрачно сказала проводникъ.

Мы тоже остановились.

— Почему едва-ли? спросила я.

— Развѣ ты не видишь полосы сѣрнаго дыма, отвѣтилъ онъ,—которыя поднимаются передъ ними отъ земли. Это раскаленная лава преградила имъ путь!

Въ то время, какъ мы смотрѣли на путниковъ, они замѣтили насъ и стали махать намъ шляпами и платками. Мисъ-Дэверсъ сошла съ лошади и, приложивъ ладонь ко лбу, долго смотрѣла на меня и наконецъ меня узнала. Я не могла долѣе терпѣть, спрыгнула съ сѣдла, бросила лошадь и проводника и побѣжала къ ней навстрѣчу. Она протянула ко мнѣ руки.

— Эмма! Дитя мое! воскликнула она.—Какими судьбами?

И вдругъ сразу перемѣнивъ тонъ, она строго продолжала:

— Твое непослушаніе, Эмма, не можетъ остаться безъ наказанія. Ты недобрая, настойчивая дѣвочка. Я

Но я не слушала ее и, бросившись къ ней на шею, стала горячо ее цѣловать...

— Глупенькая, настойчивая дѣвочка, продолжала она,—ты меня вовсе не любишь, если такъ поступаешь! Я тебя непременно накажу! И чѣмъ строже, тѣмъ лучше!

Но въ это время выступилъ впередъ одинъ изъ проводниковъ.

— Въ ней говоритъ благородная кровь нашихъ предковъ-вождей, заступился онъ за меня.—Развѣ можно наказывать человека за то, что онъ хочетъ помочь другому?

Но мисъ Дэверсъ и безъ него уже обнимала меня и горячо цѣловала. Она сердилась на меня только для вида, а въ душѣ была довольна, что я ее догнала. Она очень любила меня и теперь была рада, что поѣдетъ далѣе уже не одна, а со мною.

Затѣмъ проводники мисъ-Дэверсъ стали совѣщаться съ моимъ проводникомъ, какъ быть и куда теперь идти. Какъ мы и предполагали, путь былъ прегражденъ широкимъ потокомъ раскаленной лавы, черезъ который нельзя было перейти. Отъ него поднимались удушливые пары, отъ которыхъ кружилась голова. Но если-бы даже и предположить, что мы могли-бы какъ-нибудь перебраться черезъ этотъ потокъ, то кто могъ-бы поручиться, что мы не встрѣ-

— Эмма! Дитя мое!..

накажу тебя тотчасъ-же, какъ мы вернемся въ нашъ пансіонъ!

тили-бы на пути еще другіе, болѣе широкіе, которые навсегда преградили-бы намъ путь къ г-жѣ Гамильтонъ! Кто могъ-бы быть увѣренъ въ томъ, что этотъ самый потокъ, который мы собирались перейти, не превратится черезъ полчаса въ цѣлую огненную рѣку, которая навсегда отрѣжетъ намъ возвращеніе назадъ? Я даже и не воображала, что мы натолкнемся на такое препятствіе.

— Вотъ видишь, дитя мое, обратилась ко мнѣ мисъ-Дэверсъ, — какую ты сдѣлала ошибку, что отправилась за нами вслѣдъ!

— Таковую-же, какъ и вы, отвѣтила я.—Этотъ потокъ такъ-же непроходимъ и для васъ, какъ и для меня.

Она улыбнулась и отошла къ проводникамъ. Они все еще продолжали совѣщаться. Я подошла къ нимъ и стала плакать.

— Не будемъ отчаиваться, сказала я.—Умоляю васъ, пойдете далѣе! Я увѣрена, что г-жа Гамильтонъ еще жива и нашла гдѣ-нибудь себѣ убѣжище отъ лавы и ждетъ спасенія. Подадимъ-же ей помощь! Вы не рѣшаетесь перейти черезъ этотъ огненный потокъ? Но посмотрите направо! Развѣ вы не замѣчаете, что тамъ внизу, гдѣ онъ течетъ между двухъ скалъ, онъ такъ сжатъ, что сталъ вдвое уже?

Мисъ-Дэверсъ съ сомнѣніемъ покачала головой, но проводники

тотчасъ-же приняли мою сторону. Одинъ изъ нихъ вскочилъ на выступъ скалы и, снявъ съ себя ожерелье, бросилъ его въ огонь.

— Умилостивись, священный огонь! воскликнулъ онъ.—Прими эту жертву и пропусти насъ!

Всѣ другіе проводники послѣдовали его примѣру.

— Перестаньте!

крикнула имъ мисъ-Дэверсъ.—Вѣдь всѣ вы христіане! Зачѣмъ-же вы приносите жертвы огню?

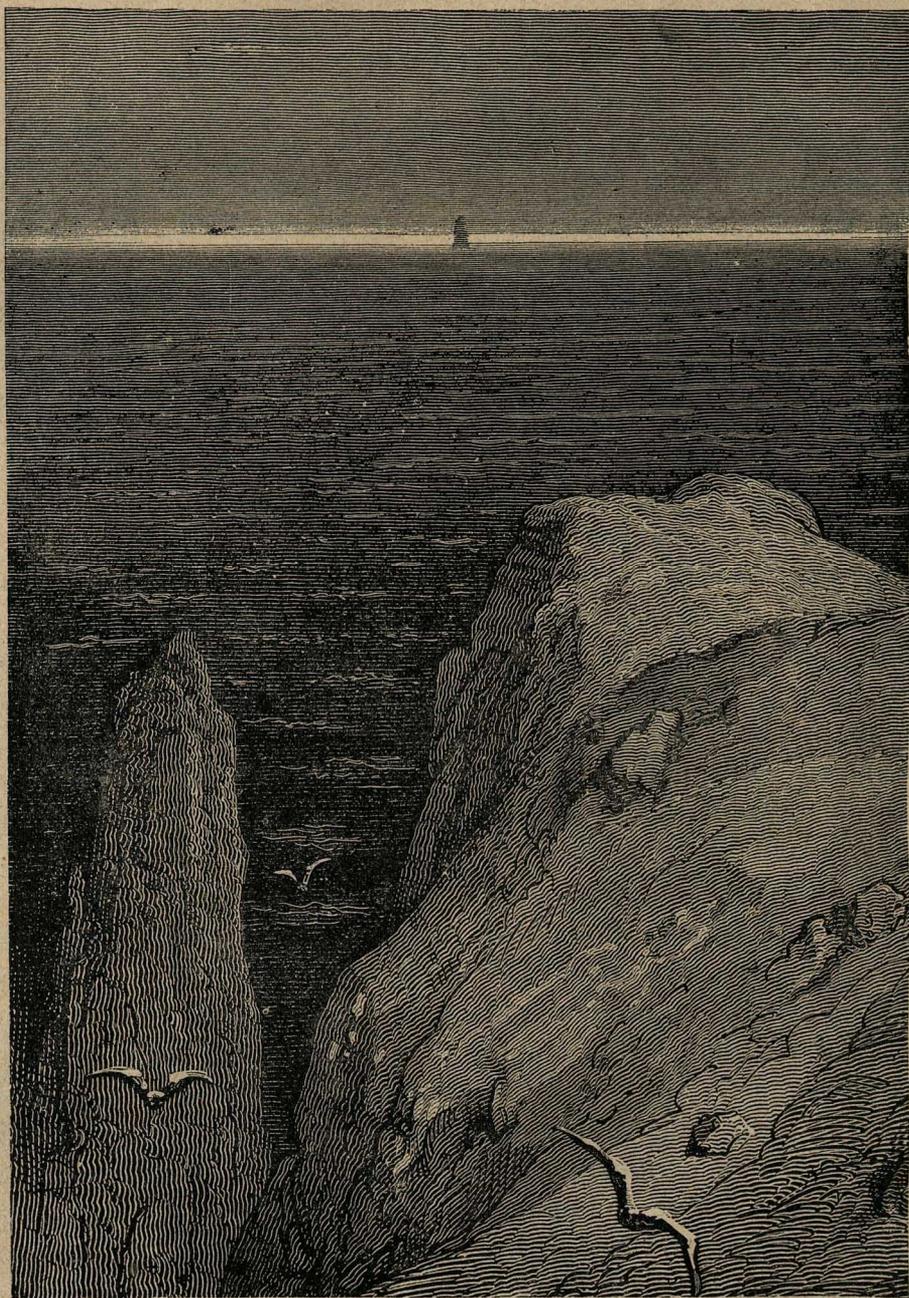
Они смутились и сошли со скалы.

— Это обычай нашихъ дѣдовъ и отцовъ, конфузливо отвѣтили они и отошли къ лошадямъ.

Затѣмъ мы продолжали нашъ путь вдоль потока лавы, надѣясь найти гдѣ-нибудь черезъ него переходъ, но всѣ наши надежды были напрасны. Отъ духоты, воючихъ газовъ, жары и отъ усталости мы стали терять наши силы. Но мы пересиливали себя и все шли и шли далѣе. Наши животныя тоже сознавали опасность и послушно слѣдовали за нами. Какъ вдругъ, приглядѣвшись, я увидѣла на той сторонѣ двухъ или трехъ коровъ. Онѣ бродили по выжженному лужку и жалобно

— Умилостивись, священный огонь!..

Береговой утесъ.

мычали, очевидно, изнывая отъ жары.

— Глядите! воскликнула я.— Коровы! Тамъ навѣрное должны быть и люди!

Всѣ стали вглядываться въ задернутую дымомъ даль. Подулъ вѣтерокъ, дымъ разсѣялся еще

мой лавѣ и стала всматриваться въ этотъ шалашъ. Но въ это время отъ потока лавы поднялось густое облако дыма и скрыло все изъ глазъ. А когда оно разсѣялось, то флага на шалашѣ уже не было.

— Тамъ люди! Тамъ люди! за-

Лебеди.

больше, и я увидала группу обожженныхъ деревьевъ и подъ ними выстроенный изъ бамбуковыхъ вѣтвей шалашикъ. И вдругъ, къ нашему всеобщему удивленію, изъ шалашика высунулась палка и стала махать привязаннымъ къ ней обрывкомъ тряпки, какъ-бы взывая о помощи. Не вѣря своимъ глазамъ, я подошла почти къ са-

кричала я не своимъ голосомъ. — Они зовутъ насъ! Они просятъ насъ о помощи! Мы должны имъ помочь!

— Никакихъ тамъ людей нѣтъ, отвѣтилъ одинъ изъ проводниковъ.—Я знаю этотъ шалашъ. Онъ давно уже заброшенъ пастухами, а коровы бродятъ здѣсь лишь случайно...

— Но я сама видѣла, какъ сейчасъ махали флагомъ! Тамъ обязательно должны быть люди!

— Въ такомъ случаѣ заставимъ ихъ насъ замѣтить!

И всѣ наши проводники и мы стали въ одинъ голосъ кричать. Покричавши, мы притихли и стали слушать. И вдругъ до насъ донесся въ отвѣтъ только одинъ чуть слышный слабый голосъ. Онъ былъ такъ слабъ, что могъ казаться нашимъ эхо или-же это кричалъ намъ изъ шалаша уже истощенный, умиравшій человекъ.

— Да, да!.. согласились и проводники.— Тамъ кто-то есть! Мы сами слышали чей-то голосъ!

— Въ такомъ случаѣ мы должны спасти этого человека! воскликнула я.— Кто знаетъ, быть можетъ это сама г-жа Гамильтонъ!

Никто не тронулся съ мѣста.

— Ты наивна, Эмма, какъ дитя, обратилась ко мнѣ г-жа Дэверсъ.— Развѣ есть хоть какая-нибудь возможность перебраться черезъ эту огненную рѣку?

Но я не унималась. Въ одномъ мѣстѣ лава показалась мнѣ уже застывшей и образовавшей корку. Я побѣждала къ ней и хотѣла уже по ней ступать, чтобы перейти на ту сторону къ шалашу, но меня догналъ мой проводникъ и оттащилъ меня назадъ.

— Что ты дѣлаешь, дочь нашего вождя? воскликнулъ онъ.— Вѣдь ты сгоришь!

И онъ коснулся палкой корки. Палка тотчасъ-же вспыхнула, такъ горяча еще была эта кора.

Я залилась слезами.

— Что-же теперь, дѣлать? воскликнула я.— Если мы не можемъ перейти черезъ этотъ потокъ, то давайте вернемся назадъ! Зачѣмъ же мы здѣсь стоимъ?

— Подождемъ до завтра, сказали проводники.— Быть можетъ, за ночь эта корка остынетъ...

— Но вѣдь завтра этотъ человекъ уже будетъ мертвъ!.. возразила я.

Никто не отвѣтилъ и всѣ сѣли на выжженную и высохшую траву. Одна я не могла успокоиться и стала бродить въ отчаяніи взадъ и впередъ. Какъ вдругъ счастливая мысль пришла мнѣ въ голову. Я увидала, что въ одномъ мѣстѣ потокъ лавы протекалъ между двухъ высокихъ утесовъ. На одномъ изъ нихъ росло высокое дерево. Если-бы его срубить, то оно могло-бы упасть вершиной на другой, противоположный утесъ и образовать такимъ образомъ мостъ, по которому можно было-бы перейти на другую сторону.

И я во весь духъ побѣждала къ проводникамъ.

— Есть у кого-нибудь изъ васъ топоръ? спросила я.— Нужно сейчасъ рубить дерево!

Они поглядѣли на меня съ удивленіемъ. Одинъ изъ нихъ отвязалъ отъ пояса топоръ и протя-

нуль его ко мнѣ. Я захлопала отъ радости въ ладоши.

— Но въ чемъ-же дѣло! спросила миссъ-Дэверсъ.

Я объяснила, какъ могла.

— Дочь нашего вождя права! воскликнулъ одинъ изъ проводниковъ.—Мы постараемся срубить это дерево такъ, чтобы оно упало не вдоль, а поперекъ.

— Итакъ, за работу! закричали другіе.—А дочь нашего вождя не пожалѣте для насъ піастровъ!

Я готова была отдать имъ все мое состояніе.

— За работу! За работу! крикнула я и побѣжала къ дереву.—Я щедро всѣхъ васъ награжу!

Мужчины послѣдовали за мной и принялись за работу. Но что можно было сдѣлать однимъ маленькимъ, почти дѣтскимъ, топорикомъ съ вѣковымъ громаднымъ сандаловымъ деревомъ? Они работали всѣ по очереди и изъ всѣхъ силъ, но дѣло подвигалось почерепашь. Такъ мы дождались до самого вечера. И все время мы кричали и намъ изъ шалаша вторилъ слабый, чуть слышный чело-вѣчскій голосъ.

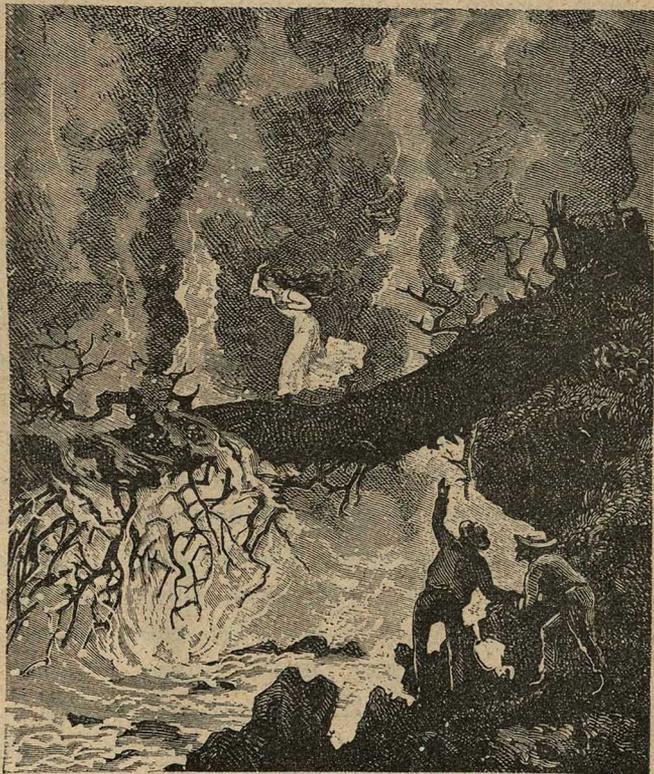
— Тотъ, кто тамъ кричитъ, сказалъ мнѣ мой проводникъ, — навѣрное

страдаетъ сейчасъ отъ жажды. Отъ страшной жары вездѣ въ ручьяхъ высохла вода. Пить нечего уже четвертый день. Хорошо, что мы захватили съ собой воды..

И мысль о томъ, что г-жа Гамильтонъ должна была испытывать сейчасъ жажду, приводила меня въ ужасъ.

— Скорѣе! Скорѣе! торопила я проводниковъ.—Господи, помоги намъ! Поддержи и сохрани мою вторую мать!

Я перекинула черезъ плечо флягу съ водой и стала ожидать, когда дерево упадетъ подъ уда-

... я взбѣжала на дерево и помчалась черезъ лаву.

рами топорика и образуетъ собою мость. И вдругъ послышался страшный трескъ, проводники отскочили въ стороны и дерево повалилось. Паденіе его было удачно: оно упало вершиной какъ разъ на противоположный берегъ и прежде чѣмъ всѣ успѣли сообразить, я взбѣжала на него и помчалась черезъ лаву. Это было верхомъ моего легкомыслія. Невыносимая жара, зловредныя испаренія отъ лавы и огненные языки отъ вспыхнувшихъ вѣтвей дерева охватили меня со всѣхъ сторонъ и готовы были меня поглотить. Голова у меня закружилась, но я закрыла одной рукой лицо, а другою грудь и ринулась сквозь огонь черезъ раскаленный потокъ.

— Эмма! Эмма! послышался позади меня голосъ миссъ-Дэверсъ.— Вернись, что ты дѣлаешь?

Но я не слушала ея и исчезла отъ нея въ дыму.

— Эмма, гдѣ ты? все еще слышался голосъ моей начальницы.— Отзовись!

— Я здѣсь, миссъ-Дэверсъ! отвѣтила я ей наконецъ.— Я уже въ безопасности! Не бойтесь за меня!

Слава Богу, я была уже на другомъ берегу. Не сознавая опасности и не чуя уже вокругъ себя ничего, я со всѣхъ ногъ помчалась къ шалашу. Я только слышала, какъ позади меня кто-то изъ нашихъ проводниковъ отрубалъ съ дерева горѣвшія вѣтви.

Скоро я очутилась въ темнотѣ, такъ какъ быстро наступила тропическая ночь. Крики моихъ спутниковъ слышались уже гдѣ-то далеко позади меня. Долго я блуждала, не зная, какое принять направленіе, и наконецъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя услышала чей-то стонъ. Я остановилась и оглядѣлась по сторонамъ, но не увидѣла въ темнотѣ ничего и стонъ уже больше не повторился. Думая, что это мнѣ только такъ послышалось, я вновь побѣжала впередъ, но вдругъ запуталась въ чемъ-то и упала. Я пошарила рукою у ногъ. Это оказался тотъ самый флагъ изъ тряпки, которымъ намъ махалъ кто-то изъ шалаша. Значить, и шалашъ долженъ былъ находиться гдѣ-нибудь по близости. Темнота ночи сгустилась и теперь уже не было видно ничего.

— Но какимъ образомъ этотъ флагъ могъ оказаться именно здѣсь? подумала я.— Значить, пока мы рубили дерево, этотъ человѣкъ выбѣгалъ съ нимъ къ намъ навстрѣчу, но мы не замѣтили его въ темнотѣ!

И дѣйствительно, не сдѣлавъ и двухъ шаговъ, я наткнулась на что-то мягкое—это лежалъ человѣкъ. Я нагнулась надъ нимъ и стала его спрашивать, но онъ отвѣчалъ одними только стопами. Это былъ мальчикъ всего только лѣтъ шести. Онъ умиралъ отъ

жажды и лежалъ съ закрытыми глазами, рѣдко и тяжело дыша. Тогда я достала флягу съ водой, отвинтила на ней пробку и осторожно стала лить ему воду въ ротъ. Это тотчасъ-же оживило его. Какъ только первыя капли коснулись его запекшихся устъ, такъ онъ тотчасъ-же сталъ пить воду жадными глотками и скоро открылъ глаза. Я знала, что слишкомъ большое количество могло-бы повредить ему и потому приняла отъ него воду. Онъ хотѣлъ еще пить и заплакалъ.

— Какъ тебя зовутъ? спросила я его.

— Жоржъ... отвѣтилъ онъ.

— Ты одинъ?

— Нѣтъ, здѣсь мои мать и маленькій братишка Тони...

— Гдѣ они?..

— Тамъ, въ шалашѣ... Вмѣстѣ съ нашей госпожей и ея ребенкомъ...

— А кто твоя госпожа?

— Мистрисъ Гамильтонъ...

Боже правый! Неужели я нашла свою вторую мать? Неужели именно я несу ей желанное спасеніе?

И не помня себя отъ радости, я подняла мальчика на ноги и дала ему еще немного отпить изъ фляжки.

— Веди меня сейчасъ-же къ ней! приказала я.

Но онъ не смогъ идти. Тогда я взяла его на руки и пошла вмѣстѣ съ нимъ сама. Скоро я услышала

невдалекѣ отъ себя другіе стоны и наконецъ добралась по нимъ до шалаша.

— Мама! Мама! закричалъ Жоржъ.—Воду принесли!

Я положила мальчика на землю и заглянула въ шалашъ. Вдоль его прямо на полу лежала женщина и около нея копошился маленькій ребенокъ. Рядомъ — лежала другая женщина, крѣпко прижавъ къ себѣ младенца. Я нагнулась надъ ней и, несмотря на темноту, узнала въ ней г-жу Гамильтонъ. Та, которую я знала всегда такой красавицей, такой цвѣтущей здоровьемъ и краснощеккой, лежала теперь, какъ скелетъ. Блѣдная, иссохшая, она почти не дышала и сердце ея чуть-чуть билось, едва поддерживая въ ней жизнь. Я тотчасъ употребила то-же средство, какимъ спасла и мальчика. Осторожно я влила ей въ ротъ нѣсколько капель воды. Тогда она слегка пошевелинулась. Я дала ей время проглотить ихъ и снова влила ей въ ротъ немного воды. Когда это ее оживило, то я дала ей полную чашку. Она выпила все, открыла глаза и затѣмъ снова ихъ закрыла. Она все еще была слаба.

— Мое дитя... пробормотала она чуть слышно.—Мое дитя...

Тогда я принялась за ея ребенка, потомъ за лежавшую безъ чувствъ женщину и ея младенца и скоро всѣхъ ихъ возвратила къ жизни. Сердце мое замирало отъ радости.

А тѣмъ временемъ г-жа Гамильтонъ все болѣе и болѣе приходила въ себя:

— Кто вы? спросила она наконецъ.—Само Провѣдѣніе послало васъ къ намъ на помощь!

Она все еще не открывала глазъ.

— Мама! воскликнула я.—Госпожа Гамильтонъ! Неужели вы не узнаете меня?

Она открыла глаза и посмотрѣла на меня. Несмотря на темноту, она узнала меня.

— Эмма! проговорила она.— Дорогое дитя мое! Неужели это ты?

И мы нѣжно обнялись. Я была внѣ себя отъ радости.

Часъ спустя, миссъ-Дэверсъ и всѣ наши спутники, за исключеніемъ лишь одного, который остался на той сторонѣ огненного потока, чтобы приглядѣть за лошадьми, были уже около шалаша. Миссъ-Дэверсъ и я хлопотали около пострадавшихъ, стали ихъ кормить и не могли наглядѣться, съ какимъ аппетитомъ они ѣли. А когда они насытились и пришли наконецъ въ себя, то г-жа Гамильтонъ въ краткихъ словахъ рассказала намъ, что съ нею случилось. Когда страшное землетрясеніе встряхнуло вдругъ всю ея усадьбу, то она тотчасъ-же поняла, что вслѣдъ за нимъ будетъ и изверженіе лавы и потому, захвативъ съ собой сестру своего мужа съ дѣтьми и нѣсколькихъ слугъ, по-

кинула свой домъ и убѣжала въ болѣе безопасное мѣсто. Но всѣ слуги скоро въ страхѣ разбѣжались и оставили бѣдныхъ женщинъ съ дѣтьми однихъ. Когда-же началось изверженіе вулкана и потекла лава, то г-жа Гамильтонъ со своею спутницей бросилась бѣжать, куда глядѣли глаза, и наконецъ добѣжала до чьего-то покинутаго шалаша, около котораго уныло бродили три коровы. Будучи не въ состояніи идти далѣе и видя передъ собой огненный потокъ, отрѣзавшій имъ путь, онѣ помѣстились въ этомъ шалашѣ и, полныя отчаянія, стали покорно ожидать своей смерти. Жажда мучила ихъ и сокращала имъ жизнь. Онѣ хотѣли было подоить коровъ, но и тѣ, бѣдняги, тоже томились безъ воды и оказались вовсе безъ молока. А затѣмъ онѣ потеряли силы, растянулись на полу шалаша и лишились сознанія. Что было потомъ, обѣ женщины не помнили. Онѣ даже и не знали, что ихъ маленькій Жоржъ окажется героемъ и будетъ махать кому-то тряпкой.

Я и миссъ-Дэверсъ слушали этотъ рассказъ и горько плакали. Наплакавшись до сыта, мы опять стали всѣхъ обнимать.

— Слава Богу! воскликнула наконецъ г-жа Гамильтонъ,—Если-бы не ты, Эмма, то мы навѣки остались-бы лежать въ этомъ шалашѣ!..

А миссъ-Дэверсъ погрозила мнѣ пальцемъ и сказала:

— Вотъ я тебя, стрекоза! Какъ только вернемся на Оаху, то я тотчасъ-же накажу тебя за ослушаніе! Я посажу тебя на хлѣбъ и на воду!

Мы всѣ засмѣялись и намъ вдругъ захотѣлось радоваться, шутить, говорить глупости...

Мы всѣ заночевали въ палашѣ. Мужчины спали на воздухѣ и каждый изъ нихъ стоялъ по очереди на часахъ. А едва только проглянулъ разсвѣтъ, какъ мы уже были на ногахъ и засбирались въ обратный путь. Потокъ лавы уже застылъ за ночь, и мы могли перейти черезъ него безъ опасенія и изверженіе вулкана, повидимому, прекращалось, такъ какъ повсюду наступилъ сравнительный покой.

Мы счастливо добрались до Гонолулу, гдѣ насъ съ тревогой ожидали воспитанницы нашего пансіона, уже потерявшія надежду на насъ когда-либо видѣть. Затѣмъ мы сѣли на пароходъ и отправились всѣ на островъ Оаху, въ нашъ въ милый, незабвенный пансіонъ. Тамъ съ нами еще долго прожила г-жа Гамильтонъ съ ребенкомъ, а мѣсяць спустя, изъ Америки вернулся ея мужъ и увезъ ихъ на островъ Таити, гдѣ они еще долго счастливо прожили въ своемъ новомъ имѣніи, лучше котораго я не видѣла въ жизни ничего. Я бывала у нихъ тамъ и мы долго еще вспоминали объ изверженіи вулкана и о моей „дѣтской глупости“. Благодаря которой удалось спасти мою незабвенную начальницу г-жу Гамильтонъ.

(Изъ «Every Girl's Ann»).

ПОДЪ ОБЛАКАМИ.

На вершинѣ Альпійскихъ горъ, почти у самыхъ вѣчныхъ льдовъ, издавна стоялъ маленькій швейцарскій домикъ, въ которомъ жили супруги Жераръ. Они оба были уже стары и добывали деньги только тѣмъ, что давали у себя пріютъ проходившимъ черезъ горы путникамъ. Когда-то въ молодости самъ Жераръ былъ проводникомъ, зналъ въ горахъ всѣ тропинки и отличался неустрашимостью. Путешественники

по Швейцаріи любили его, всегда желали имѣть его своимъ проводникомъ и щедро награждали его деньгами. Когда-же онъ состарѣлся, то его стала замѣнять его любимая собака сенъ - бернарской породы—Брюно. Это былъ громадный, красивый песъ съ лохматымъ хвостомъ, съ висячими ушами и съ вѣчно высунутымъ розовымъ языкомъ. Онъ понималъ каждое слово своего хозяина, каждый его жестъ и когда явля-

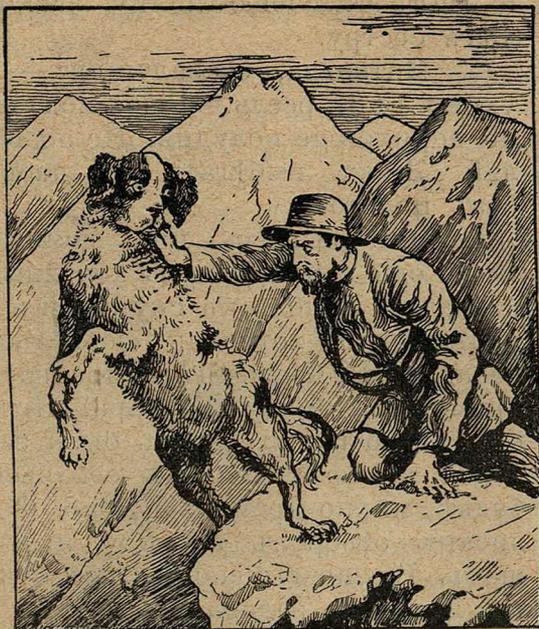

Передъ портретомъ покойной мамы.

лись путешественники и нужно было ихъ проводить, то достаточно было только назвать мѣсто, чтобы Брюно отправился съ ними вмѣсто своего хозяина и съ важ-

нымъ видомъ показаль имъ все, что требовалось.

— Брюно! обращался къ собакамъ Жераръ. — Сведи этихъ господъ въ Гаварни!

Онъ сбрасываетъ ее со скалы въ пропасть.

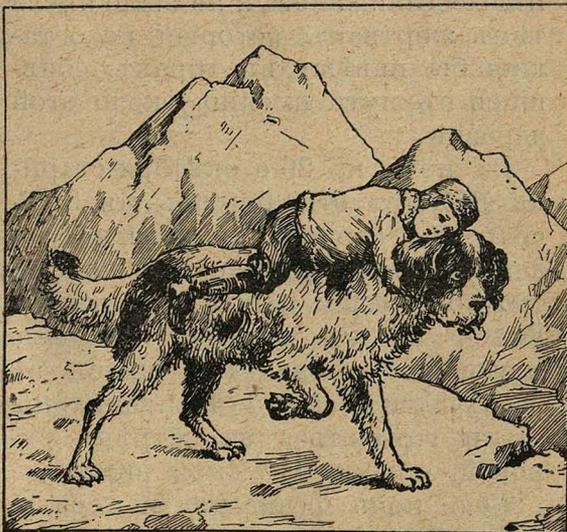
И собака тотчасъ-же отправлялась въ путь во главѣ цѣлой компании путешественниковъ. Многие издалека прѣзжали къ Жерару, чтобы только лично убѣдиться въ умѣ и способностяхъ этой собаки.

Въ тѣхъ-же мѣстахъ, но только ближе къ шоссе, жилъ другой проводникъ, по имени Фелисанъ. Когда у Жерара еще не было Брюно, то и онъ зарабатывалъ недурно: и къ нему приходили путешественники, которыхъ онъ провожалъ въ горы, и которые щедро одѣляли его деньгами. Но съ появленіемъ у сосѣда Брюно, всѣ они оставили его и мало-по-малу совсѣмъ его забыли. Каждому было интересно пройти въ горы именно съ собакой и возвратиться назадъ именно съ ней. Это очень огорчало Фелисана. Заработки его совсѣмъ прекратились, а между тѣмъ у него на рукахъ были больная старуха мать, полуслѣпая сестра и маленькій сыночекъ

лѣтъ семи, которыхъ нужно было одѣвать и кормить.

— О, эта собака! восклицалъ онъ. — Откуда она взялась? И нужно-же было ей появляться въ нашихъ мѣстахъ!.. Она окончательно разорить меня!

Но предпринять что-нибудь противъ собаки онъ не могъ. Она часто прибѣгала къ нему на дворъ и играла съ его сынишкой Жакомъ. Она такъ довѣрчиво смотрѣла Фелисану въ глаза, такъ ласково виляла передъ нимъ хвостомъ, что онъ съ грустью отворачивался отъ нея, пересиливая въ себѣ желаніе ее приласкать. Маленькій Жакъ часто ходилъ къ Жерару, чтобы поиграть тамъ съ Брюно. Онъ катался на немъ верхомъ, теребилъ его за уши и за хвостъ и позволялъ себѣ дѣлать съ собакой то, что обыкновенно дѣлаютъ дѣти его лѣтъ. Брюно очень любилъ Жака. Въ свободныя минуты онъ весь принадлежалъ мальчику, все ему прощаль

Онъ садится на нее верхомъ...

и когда долго его не видалъ, то начиналъ тосковать и скулилъ. Это замѣчалъ Фелисанъ и ему было еще больнѣе, что собака, которая принесла ему разореніе, такъ любила его сына и такъ была привязана къ нему самому.

— Ну, что мнѣ дѣлать? пожилъ онъ плечами.—Какъ отвязаться отъ этой собаки?

Верстахъ въ двухъ ниже, тамъ, гдѣ уже бывало теплое лѣто и росли высокія пышныя деревья, находилась деревушка Курсель. Въ ней была лавочка и въ хорошую погоду маленькій Жакъ бѣгалъ туда въ обществѣ Брюно купить то катушку нитокъ для тети, то кусокъ сыру по порученію отца. Вся дорога до Курсели была мальчику отлично извѣстна, но когда наступала дурная погода и начиналась метель, то до деревушки добратъся было нельзя. Черезъ ущелье дулъ такой сильный вѣтеръ, съ отвѣсныхъ скалъ срывались внизъ такія лавины снѣга, что погребали подъ собою цѣлыя дилижансы, и не было числа тѣмъ жертвамъ, которыя не остались-бы навѣки въ горахъ, сбившись съ пути именно около этой деревни.

Въ ночь на 26-е октября старики Жераръ отправились въ Курсель къ своимъ знакомымъ на день рожденія. Дома остался одинъ только Брюно. Выпалъ съ вечера снѣгъ и все кругомъ покрылъ мягкимъ ковромъ. Вся жизнь въ горахъ затихла и всѣ швейцарцы стали готовиться къ встрѣчѣ суровой, обычно снѣжной зимы.

Всю ночь Фелисанъ не спалъ, и когда старые часы съ кукушкой пробили пять, онъ всталъ, одѣлся

и взявъ съ собою палку, разбудилъ сестру.

— Матильда, сказалъ онъ, — я уйду въ Курсель.—Быть можетъ, не вернусь до полудня. Не позволяй Жаку выбѣгать на дворъ безъ пальто!

И онъ вышелъ изъ домика. Было еще темно, тянулъ холодный вѣтеръ и было такъ скучно и неуютно, что хотѣлось вернуться назадъ. Но Фелисанъ отправился прямо къ домику Жерара. Кругомъ было пусто. Дверь была заперта и около нея, въ собачьей будкѣ, мирно дремалъ Брюно. Фелисанъ отворилъ калитку и вошелъ. Брюно выскочилъ изъ будки, и громко залаялъ.

— Тише, Брюно! Это я! крикнулъ ему Фелисанъ.—Я-свой!

Брюно узналъ его и завилялъ ему хвостомъ. Фелисанъ бросилъ ему кусочекъ хлѣба. Собака съѣла его и, полная довѣрія, стала ластиться къ своему знакомому.

— Пойдемъ въ Курсель! продолжалъ Фелисанъ.—Веди меня въ Курсель!..

Умное животное сразу-же поняло, чего отъ него требовали, и выбѣжало за калитку. Понюхавъ воздухъ, прислушавшись и громко и радостно залаявъ, оно направилось прямо на Курсель. Фелисанъ послѣдовалъ за нимъ. Дорога круто спускалась внизъ. Было темно, справа и слѣва зіяли пропасти, ноги скользили по снѣгу, но Брюно опредѣленно шелъ впередъ и Фелисанъ старался не потерять въ темнотѣ его чуть бѣлѣвшейся фигуры.

Затѣмъ настало утро и разсвѣло. Тяжелыя, свинцовыя тучи нависли надъ горами и было по-

хоже на то, что скоро пойдетъ снѣгъ.

— „Пройду еще немного и вернусь“... подумалъ Фелисанъ. — „А то можетъ застать въ горахъ ураганъ... Вотъ только-бы найти удобное мѣсто!“

Но вотъ тропинка круто сворачиваетъ влѣво. Кругомъ дико, каменные громады, покрытыя снѣгомъ, обступили со всѣхъ сторонъ. Пронзительный вѣтеръ дуетъ черезъ ущелье и цѣлыя облака снѣжной пыли уже несутся навстрѣчу.

„Должно быть, будетъ метель“... думаетъ Фелисанъ и оглядывается по сторонамъ.— „Теперь пора!“

Онъ останавливается на самомъ краю стремнины и подзываетъ къ себѣ Брюно. Ничего не подозревая, собака довѣрчиво подходитъ къ нему и старается лизнуть его въ руку. Но онъ неожиданно обхватываетъ ее вокругъ тѣла и сбрасываетъ со скалы въ пропасть. Она летитъ внизъ съ невѣроятной вышины, а онъ угрюмо поворачиваетъ назадъ, нахлобучиваетъ на глаза шляпу и отправляется къ себѣ домой.

— Теперь ты не будешь стоять поперекъ моей дороги! говоритъ онъ.—Теперь моя семья не будетъ голодать изъ-за тебя!

Онъ идетъ обратно, а вѣтеръ все усиливается и усиливается, и уже реветъ среди ущелий. Острый, сухой снѣгъ бьетъ прямо въ лицо и плотной пеленой застилаетъ все передъ глазами. Фелисанъ хочетъ укрыться, но не знаетъ, гдѣ, онъ спѣшитъ, чтобы поскорѣе, до урагана, добраться домой, но снѣгъ уже залѣпляетъ ему глаза, ноги его скользятъ и онъ чувствуетъ, что

съ каждымъ шагомъ, съ каждой минутой, положеніе его становится все труднѣе и опаснѣе. Не видя и не зная, куда идетъ, онъ сворачиваетъ вправо, потомъ влѣво, потомъ опять вправо,—и наконецъ сбивается съ пути. Безъ собаки онъ не знаетъ, что дѣлать.

„Я, кажется, заблудился“, думаетъ онъ.— „Надо-бы идти назадъ, но я усталъ. Посижу здѣсь немного и отдохну“...

Онъ присаживается на корточки, спиной къ скалѣ, и сознание вины и чувство горькаго раскаянія охватываютъ все его существо. Онъ знаетъ, что сдѣлалъ нехорошо, слезы навертываются ему на глаза и ему хочется подняться и побѣжать сейчасъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ сбросилъ въ пропасть Брюно, чтобы только спасти его или помочь ему выбраться оттуда обратно. Но уже поздно. По всему его тѣлу разлилось оцѣпенѣніе и неумолимый холодъ сковываетъ всѣ его члены. А кругомъ дуетъ пронзительный, сѣверный вѣтеръ и острый, мелкій снѣгъ засыпаетъ Фелисана со всѣхъ сторонъ. Онъ беспомощно падаетъ на землю, вытягивается во весь свой ростъ и лишается сознания.

Часъ спустя, тетюшка Матильда разбудила маленькаго Жака.

— Вставай, Жакъ, сказала она. Съ твоей бабушкой худо. Она, кажется, умираетъ и хочетъ видѣть сейчасъ же твоего отца. Бѣги скорѣе къ дядюшкѣ Жерару, возьми у него въ спутники Брюно и со всѣхъ ногъ мчись въ Курсель! Твой отецъ только часъ тому назадъ отправился туда. Верни его скорѣе!

Мальчикъ тотчасъ-же вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ къ Жерару. Но Брюно онъ тамъ не нашель. Калитка оказалась отворенной и будка пустой.

„Должно быть, онъ убѣжалъ-тоже въ Курсель за своими хозяевами...“ подумалъ Жакъ.

Онъ вышелъ на полянку и оглядѣлся по сторонамъ. Сквозь пробивавшійся разсвѣтъ сѣрѣли громады горъ, дулъ вѣтеръ и мель передъ собою снѣгъ.

„Какъ-же теперь быть“? продолжалъ думать Жакъ. — „Бабушкѣ худо... Она хочетъ сейчасъ-же видѣть папу... А Брюно нѣтъ. Онъ убѣжалъ“...

Важность момента заставила его тотчасъ-же принять рѣшеніе.

— Пойду одинъ! сказалъ онъ.— Здѣсь недалеко!

И маленькій, толстенькій, онъ важно побрелъ въ Курсель.

А тѣмъ временемъ поднималась непогода. Вѣтеръ свирѣпѣлъ съ каждымъ его шагомъ, тучи снѣга неслись ему навстрѣчу и залѣпляли ему глаза, снѣжные обвалы загромождали ему дорогу и сбивали его съ пути. Но онъ зналъ, что ему нужно идти во чтобы-то ни стало, что дома сейчасъ умираетъ его бабушка, которая требуетъ къ себѣ его отца,—и онъ шелъ, преодолевая своими ножками всѣ препятствія. Онъ давно уже окоченѣлъ, давно уже выбился изъ силъ, ему давно уже хотѣлось сѣсть и отдохнуть,—но онъ не давалъ себѣ воли и все шелъ и шелъ впередъ.

„Какъ тяжело!..“ думалъ онъ. „Удастся-ли мнѣ дойти?“

Но вотъ и то мѣсто, гдѣ только за часъ передъ этимъ разыгралась

такая грустная сцена между Фелисомъ и Брюно. Мальчикъ проходитъ мимо него, но дорожка узка, порывъ вѣтра подхватываетъ его, сбиваетъ съ ногъ, онъ хочетъ, за что-нибудь уцѣпиться, чтобы удержаться и не сорваться внизъ, но его руки не находятъ въ воздухѣ ничего, онъ теряетъ равновѣсіе, громко взвизгиваетъ и падаетъ въ пропасть...

Онъ летитъ внизъ и эти секунды полета кажутся ему вѣчностью. Сейчасъ онъ долженъ упасть на дно, удариться всѣмъ тѣломъ о камни и разбиться на смерть. Вся его маленькая, недолгая жизнь быстро пробѣгаетъ у него передъ глазами и ему хочется поскорѣе назадъ, домой, въ свои родныя горы, гдѣ такой славный, чистый воздухъ, такія могучія грозы, столько простора и гдѣ бѣгаетъ такой добрый, ласковый Брюно!

Но вотъ уже близко. Тррахъ!..

И со всего размаха, съ высоты, онъ падаетъ на что-то мягкое, пушистое, точно перина. Что это? Неужели такъ размякли вдругъ камни? Неужели Боженька сотворилъ надъ ними чудо и они стали, какъ подушки? Нѣтъ, это глубокій снѣгъ. Сорвавшаяся сверху снѣжная лавина наполнила собою пропасть чуть не до половины и въ ней стало мягко такъ, точно Жакъ не падалъ вовсе, а самъ нарочно спрыгнулъ сверху въ пуховикъ. Но отъ паденія онъ глубоко угрузъ въ снѣгъ. Если онъ не выберется изъ него, то, конечно, останется лежать въ немъ навѣки. Онъ хочетъ высвободиться сдѣлать движеніе, но снѣгъ плотной массой навалился на него со всѣхъ сторонъ, давить ему на

грудь, на животъ, на лицо и не даетъ ему вздохнуть. Еще немного, и мальчикъ потеряетъ сознание.

Воздуху, воздуху, скорѣй! Разгребите поскорѣе снѣгъ, иначе Жакъ задохнется въ немъ и умретъ!

Жакъ хочетъ вскрикнуть и не можетъ. Онъ хочетъ вздохнуть поглубже, но цѣлые пуды снѣга навалились ему на грудь.

И вдругъ что-то теплое, лохматое начинаетъ шевелиться около него и визжать. Оно дѣлаетъ движенія все рѣзче и сильнѣе, начинаетъ раскапывать вокругъ себя и Жака снѣгъ, выбивается изъ силъ, визжитъ, старается лизнуть мальчика въ лицо и работаетъ, работаетъ безъ усталы, быстро и до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ снѣгу не появляется отверстіе и струя чистаго воздуха не проникаетъ черезъ него къ Жаку. Онъ дѣлаетъ дыханіе, это возвращаетъ ему жизнь, онъ открываетъ глаза и видитъ около себя знакомую собаку.

— Брюно!.. взвизгиваетъ онъ.

Убѣдившись въ безопасности, собака снова начинаетъ разгребать вокругъ себя и мальчика снѣгъ, а затѣмъ, высвободивши себя и его, привычнымъ движеніемъ вскидываетъ Жака къ себѣ на спину и начинаетъ выбирать ся съ нимъ изъ пропасти. Онъ садится на нее верхомъ, обхватываетъ ея шею руками и всѣми силами старается, какъ-бы не упасть. Брюно карабкается, визжитъ, напрягаетъ всѣ усилія и выбирается наконецъ на тропинку.

Теперь они оба спасены. Теперь остается только пробѣжать съ километръ или полтора и они выбе-

рутъ изъ ущелья, гдѣ уже не будетъ для нихъ опасности.

И, высуня языкъ, Брюно бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ и боится, какъ-бы не свалилась съ него его драгоценная ноша, которая упала уже однажды и въ то-же самое мѣсто, куда былъ сброшенъ и онъ.

Но что это такое? Что это темнѣетъ на снѣгу? Брюно осторожно спускаетъ съ себя Жака на землю, подходитъ къ этому темнѣющему предмету и начинаетъ его обнюхивать. Это шляпа. Брюно заливается радостнымъ лаемъ и начинаетъ быстро раскапывать лапами снѣгъ. Подъ снѣгомъ оказывается мужчина.

Жакъ наклоняется надъ нимъ, чтобы лучше разсмотрѣть, и вдругъ вскрикиваетъ во весь голосъ:

— Папа!

Фелисанъ глубоко вздыхаетъ и открываетъ глаза. Онъ видитъ передъ собою Брюно, того самаго Брюно, котораго онъ же самъ хотѣлъ погубить и который спасся теперь какимъ-то чудомъ и спасъ жизнь и ему. Чувство искренней благодарности и радости не за-

Но что это такое?..

себя, а за то, что собака была жива и находилась около него, вдругъ наполнило его сердце и все еще слабый и еле держащійся на ногахъ, онъ обхватываетъ собаку за шею, прижимаетъ ее къ своей груди, плачетъ и говоритъ:

Прости!.. Прости!.. Ты лучше меня, хотя я и человѣкъ.

Маленькій Жакъ быстро, по дѣтски рассказываетъ ему свою исторію.

— Если-бы Брюно не спасъ меня, заключаетъ онъ свой рассказъ, то я теперь былъ-быдохлый!

Фелисанъ смотритъ на него, улыбается на это слово „дохлый“ и снова прижимаетъ собаку къ себѣ. Она вырывается изъ его объятій и съ радостнымъ лаемъ бѣжитъ отъ него впередъ. Маленькій Жакъ слѣдуетъ за нею. Фелисанъ отворачивается къ скалѣ, прикрываетъ глаза рукой и начинаетъ горько плакать. Никто не видитъ его слезъ и только злобный вѣтеръ крутитъ вокругъ него облака снѣга и снова грозитъ сбить его съ пути. Но теперь ему не страшно: съ нимъ теперь собака Брюно, а она не потеряетъ пути никогда.

Они возвращаются домой. Бабушкѣ много лучше. Матильда успокаиваетъ ихъ и затѣмъ усаживаетъ ихъ за столъ и начинаетъ ихъ кормить.

— Ай, да Жакъ! говоритъ она. — Вотъ такъ молодецъ! Въ такую погоду сбѣгалъ одинъ въ Курсель и привелъ отца! Изъ тебя выйдетъ отличный проводникъ!

А вечеромъ приходитъ къ Фелисану самъ старикъ Жераръ и говоритъ:

— Сосѣдъ! Мы только что вернулись изъ Курсели. Намъ тамъ очень понравилось. Мы уже стары, чтобы жить одиноко въ горахъ, и бездѣтны. Если мы заболѣемъ, то некому будетъ подать намъ лекарства и накормить. Мы рѣшили навсегда переселиться въ Курсель. Не желаешь-ли ты взять нашего Брюно себѣ? Это—очень хорошая собака и она поможетъ тебѣ поправить твои дѣла!..

Фелисанъ съ благодарностью пожимаетъ ему руку и долго ничего не можетъ отвѣтить. Развѣ смѣлъ онъ ожидать такого подарка? За то маленький Жакъ схватываетъ Брюно за ошейникъ и съ радостными криками тащитъ его на дворъ.

— Моя! Моя! кричитъ онъ. — Эта собака теперь моя! Я не отдамъ ее больше никому!

И оба вмѣстѣ они начинаютъ играть по бѣлому, пушистому снѣгу, на которомъ, точно въ брилліантахъ, ярко отражаются вечерніе солнечные лучи...

Эсбо.

КЪ ВЕСНѢ.

Свѣтитъ солнышко ярче и грѣетъ сильнѣй,
 День замѣтно длиннѣе становится,
 Воздухъ пахнетъ весной,—стало небо синѣй,
 Пробудиться природа готовится!..

На пригрѣвахъ холмовъ показалаь земля,
Къ своимъ гнѣздамъ грачи возвратилися,
Голоса оживили вновь лѣсъ и поля,
То гонцы отъ весны къ намъ явились!

Скоро трель соловья разольется опять,
Уносясь къ небесамъ въ даль лазурную...
Уходи-же, зима! Брось сурово ворчать!
Уходи ты съ погодою бурною!

Л. Вишневскій.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, оканчивающіяся на:

1.,мя = принадлежность сѣдла.

2.,ра = то, что есть на деревѣ.

3.,мокъ = то, чѣмъ охраняются отъ воровъ.

Отгадать пропущенные слоги на мѣстахъ точекъ и составить изъ нихъ новое слово, которое означало-бы названіе насѣкомаго.

Какія это слова и какое это насѣкомое?

II.

Зачѣмъ въ поѣздѣ ѣдетъ также и багажный вагонъ?

III.

Задуманное слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

Буквы 8. 2. 3. 4. 7. 1. 6. 2. означаютъ очень любимую птичку;

6. 5. 8. 7. 6. 5. 8. 9—то, что есть на церквахъ, 3. 6. 5. 4. 9—то, что составляютъ собою лошади, коровы и овцы, 3. 4. 7. 8. 9—то, что есть почти въ каждой комнатѣ, 4. 2. 1. 6. 2—экипажъ для ручной перевозки тяжестей.

Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ принадлежность почти каждого селенія и каждой дачи.

IV.

Встрѣтились двое близкихъ родственниковъ.

— Здравствуй! Ты кто?

— Неужели не узнаешь? Вѣдь я твой отецъ!

— Но я-то тебѣ не сынъ!

— Это вѣрно, что ты мнѣ не сынъ, а все-таки я тебѣ отецъ!

И встрѣтившіеся крѣпко обнялись и поцѣловались?

Кто-же именно встрѣтился?

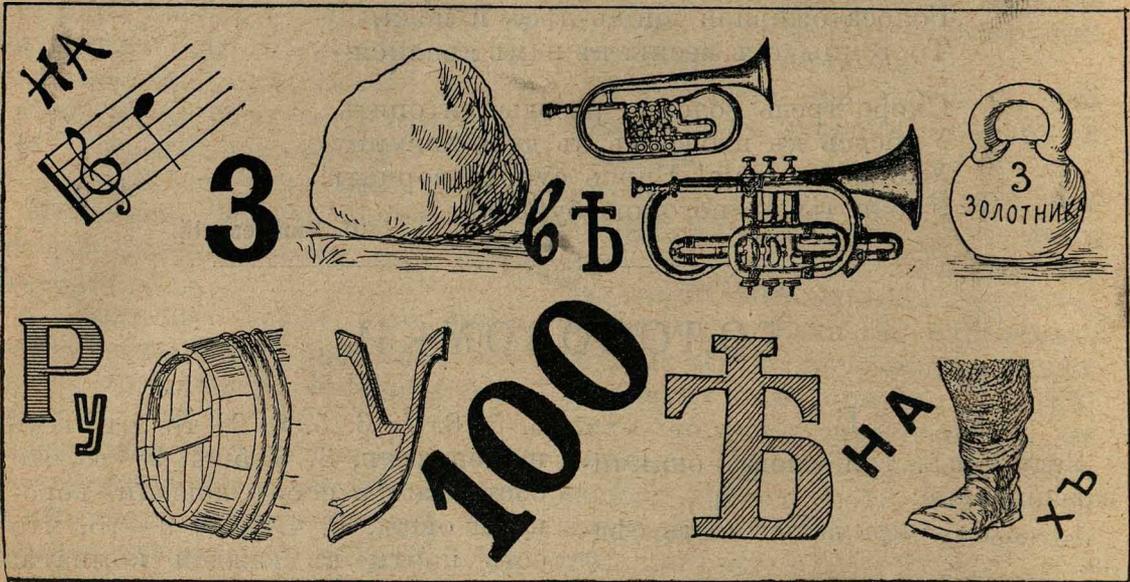
Рѣшеніе головоломки и ребуса № 4, помѣщенныя въ № 4 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. Цесарка, роса, чурка, ворона, весна, червонецъ, саранча, сорока, вечеръ—Царевосанчурскъ. II. Въ этой головоломкѣ буква „и“. III. Начинаетъ жить второй годъ. IV. Комаръ, омаръ. V. Я самъ.

Шарады. I. Оса+да=осада. II. Гимнъ+Азія=Гимназія.

Ребусъ № 4: Въ+э+томъ+годъ+у+м+ноги+я+семь+и+оси+ротъ+ели=Въ этомъ году многія семьи осиротѣли.

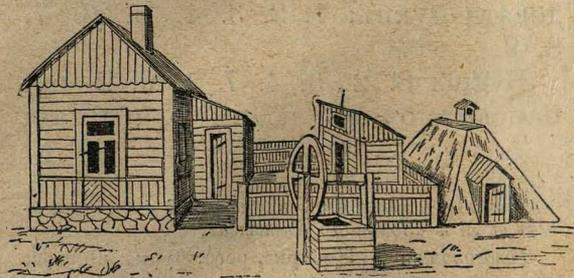
Ребусъ № 6.

☛ (Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны)

Вѣрныя рѣшенія прислали: Нита Дембо, Боря Каторгинъ, Сережа Назаревскій, Сержикъ и Жоржикъ Таточко, Коля Кудравцевъ, Саша, Сережа и Коля Кипарисовы, Витя Сегаловъ, Сережа Троицкій, Алла Пилипенко, Вася Панковъ, Жоржикъ Перепечкинъ, Таня Евстратова, Люся Ковалева, Надюша Зеленская, Боря и Гера Гринштейны, Сережа Игнатьевъ, Шура Александрова, Кавказцы Коля и Лея Алексѣевы, Беба Гольдштейнъ, Вобъ Штральборнъ, Натуся Розенцвейгъ, Ниночка Николаева, Коля Макаровъ, Наташа Попова, Ваня и Шура Павловы, Эйя и Вова фанъ-деръ-Ховенъ, Збышекъ Маслянкевичъ, Маргарита и Анатолій Сендеровы, Кира Калнынъ, Жолтѣвичъ изъ Кіева, Мотя Зайцевъ, Кто-то безъ подписи, Валя Бачинская, Сима Дубровскій, Коля Третьяковъ, Борикъ и Тамара Булгаковы, Дота Трофимовская, Люба Щеглова, Аня Янчевская, Георгій Игнатьевъ, Валя Калачевъ, Надя Горбачева, Стефанія Бернштейнъ, Володя, Шура, Грета и Отто Кренигъ, Вѣруся Сафонова, Кина Живилова, Лея Кузнецова, Шура и Сережа Тарвидъ, Г. М. Левинъ, Шура и Оля, Милица и Ольга Гемпель, Нюта Левиновичъ, Коля Губановъ, Миша Шиллингъ, Зина Тропкая, Эрихъ и Бенита Денау, Митя Михалевъ, Степа Ильсевичъ, Игорь Фоменко, А. Топольницкій, Лея Некрасова, Жоржикъ Тимченко, Вѣра Омельченко, Сарра Гринкругъ, М. Я. Слезингеръ, Николай Кошницъ, Августа Лызлова, Лія Протопопова, Вадя, Зоя и Елочка Баньковскіе, Миша Бѣломазовъ, А. Бокша, А. Филиппова,

С. Шарыпина, И. Мельниковъ, Нина Лукичъ, Вѣрочка Кудинова, Свѣшниковы, Томихъ и Лилия Флетчеръ, Николай Краузъ, Лилия Лебединская, Аня и Эрикъ Радазевскіе, Ал. Поляковъ, Леша и Коля Охонскіе, Миша Средневъ, Володя Крестовскій, Маруся Карпова, Юрій Кругликовъ, Лея Токаревъ, Тамара и Рита Ванатъ, Машенька Петрова, Коля Андреевъ, Сережа Котовъ, Коля Нѣмцевъ, Витя Кафталъ, Юрій Кругликовъ, Евгенийъ, Володя, Рудя и Шура Глинттерникъ, Маруся и Германъ Тизенгаузенъ, Пава, Галя и Сережа Лисенко, Левъ и Зинаида Голомштки, Анна Дивинская, Соня и Кося Люсины, Юра Волошинъ, Паяя Георгіевскій, Сима Криновъ.

Модель приложенія къ этому номеру.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на учебно-воспитательный журнал
для детей (12 лет)

„ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО“

Издательство М. И. ШКОЛА
МЫХОВСКОЕ ВОСЬМОЕ ВОССТАНИЕ (12 лет)

При заказе номера вложить 50 копеек за доставку
включая в себя:

1. Печать содержания
2. Печать содержания
3. Печать содержания

- 1. ПЕЧАТЬ СОДЕРЖАНИЯ
- 2. ПЕЧАТЬ СОДЕРЖАНИЯ
- 3. ПЕЧАТЬ СОДЕРЖАНИЯ
- 4. ПЕЧАТЬ СОДЕРЖАНИЯ

„В. Е. И.“

Подписная цена за год 3 р. 80 к.

Датская, Петербургская, Ленинградская

ОГЛАВЛЕНИЕ

Детский журнал „Золотое детство“ является
самым интересным и полезным изданием
для детей. В нем вы найдете много
интересных и занимательных статей,
рисунков, загадок, ребусов и много
другого. Журнал „Золотое детство“
является обязательным для каждого
ребенка.

Годъ восьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію (въ Европейской Россіи и на Кавказъ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.